Место без жалости
Не ты первый,
но ты последний
Матвей Невский
18+

Матвей Невский
Место без жалости

https://litres.ru/74697267
SelfPub; 2026

Аннотация

Александр Каменский — вор. Усталый, больной, давно переставший ждать от жизни чего-то хорошего. Он соглашается на последнее дело: украсть старинный янтарь из частной психиатрической больницы.

Но с первой же ночи всё идёт не так. Пациенты запирают двери изнутри. По коридорам ходит кто-то ещё. Тот, кого не должно быть.

Он ещё не знает, что это место не отпускает...

Содержание

Глава 1. Допрос 5
Глава 2. 3414 9
Глава 3. Первая смена 20
Глава 4. Гостья 33
Глава 5. Волосы 39
Конец ознакомительного фрагмента. 44

Матвей Невский
Место без жалости

МЕСТО БЕЗ ЖАЛОСТИ

Матвей Невский

Глава 1. Допрос

Запах въедался в ноздри. Сырость и старая плесень — так пахнут подвалы заброшенных домов, а не комнаты для допросов. Александр скривился. Тело было чужим, тяжёлым, как будто его вымочили в холодной воде и забыли отжать. Руки дрожали мелко и противно, в голове плавал туман.

Он не помнил, как сюда попал. Последнее, что осталось в памяти, — коридор. Люди в белых халатах. Чьи-то руки, державшие его за плечи. А потом — темнота. И вот он здесь. На стуле. В наручниках. Перед лампой.

Стул под ним был старым, рассохшимся, и скрипел при каждом движении, впиваясь острыми краями в спину. Но холод был не от дерева. Сиденье было ледяным. Как будто он сидел на камне. Александр поёжился. В комнате не должно было быть так холодно. Но было.

Он специально качнулся ещё раз, чтобы хоть как-то перебить тишину. Скрип раздался снова.

— Может, хватит елозить, Шурик? — раздался из темноты голос. — Ты не на танцах.

Он не посмотрел в сторону звука. Вместо этого снова качнулся, заставив стул заскрипеть ещё громче.

— Я тебе не Шурик, — процедил он. — Обращайся по имени. Или по фамилии.

— Хорошо, Шурик, — с ленцой согласился голос. — Как скажешь. Так, может, объяснишь, какого чёрта ты делал в закрытом крыле?

— Может, ты сначала объяснишь, какого чёрта я здесь делаю? — огрызнулся Александр. — Это что, модный курорт? Запах — дерьмо, обслуживание — ещё хуже. Я бы поставил одну звезду. И то — по старой дружбе.

— О, так ты у нас ещё и критик, — усмехнулся следователь. — Охранник, специалист по закрытым дверям, а теперь ещё и ресторанный обозреватель. Что дальше? Поэт? Музыкант?

Александр сжал челюсти. Ладонь сама легла на колено, пальцы впились в ткань.

— Я не жду помощи, — сказал он. — Ни от кого.

— И поэтому ты здесь, — кивнул силуэт. — Один. Со своей дрожью. Со своими снами.

Он хотел ответить резко, но слова застряли. Тогда он просто посмотрел прямо на свет лампы.

— Это всё, что ты умеешь? — спросил он, прищурившись. — Копаться в чужом белье? Давай по делу.

— По делу, — согласился следователь. — Тогда расскажи мне о больнице. С самого начала. О том, как ты туда попал. О том, что ты там увидел. И тогда, возможно, мы поговорим и об адвокате, и о кофе.

— Адвоката нет, — отрезал Александр. — Кофе тоже. Я уже понял правила этой богадельни.

— Адвоката нет, — подтвердила тень. — Только я. И твоя история.

Он долго смотрел на лампу. Она раскачивалась, хотя сквозняка не было. Потом перевёл взгляд на окно, где догорал закат. Свобода была так близко, но решётка делала её недоступной.

— Хорошо, — сказал он наконец. — Я расскажу. Но толь-

ко для того, чтобы ты понял, в какую дыру засунул свой нос. И когда я закончу, ты сам принесёшь мне и адвоката, и кофе. И сигареты. Понял?

Тень за лампой, казалось, улыбнулась.

— Договорились, Шурик. Я весь во внимании.

Александр откинулся на стуле, насколько позволяли наручники. В голове было пусто, как перед прыжком.

— Это началось три недели назад, — сказал он. — С одного странного звонка. После которого я перестал быть собой.

Глава 2. 3414

Телефон зазвонил в баре. Александр не хотел отвечать. Вообще ничего не хотел — только допить виски и уйти. Завязать. Навсегда. С него хватило. Двадцать лет в деле — это слишком много для одного человека и слишком мало для пенсии. Но он решил: хватит. Последнее дело закрыл месяц назад. Чисто, без следов. И сказал себе: всё.

Телефон завибрировал на столе. Александр перевернул его лицом вниз, но тот продолжал жужжать. Бармен — молодой парень с дурацкой бородой — покосился на него. Александр попросил ещё виски. Телефон замолчал, а через секунду зазвонил снова. Тот же номер. Его номер знали только те, кому он был нужен.

Он взял трубку.

— Александр Каменский, — произнёс изменённый голос. Глухой, металлический, без интонаций. Ни мужской, ни женский. Просто звук.

— Кто это?

— У меня есть заказ. Ты нужен мне.

Александр сказал, что завязал. Голос назвал сумму — пятьсот тысяч долларов. Он замолчал.

Пятьсот тысяч. Сумма, ради которой любой вор вскочил бы с места. А этот сидел и тупо смотрел в стакан. Ему было всё равно. Пятьсот тысяч, сто тысяч, пять. Какая разница, если всё равно проиграешь? Но где-то под усталостью шевельнулось что-то ещё — не азарт, а просто понимание: больше ничего не осталось.

— Частная психиатрическая больница. Старое здание за городом. В сейфе главного врача лежит камень. Красный янтарь. Ты должен его забрать.

Он молчал. Голос продолжил:

— Им требуется охранник. Устроишься туда. Изучишь здание, персонал, расписание. Когда будешь готов — заберёшь камень.

— Как я туда устроюсь?

— Тебе понадобится рекомендательное письмо. Оно будет лежать в бардачке полицейской машины. Узнаешь её

по номеру 3414. Машина будет на парковке у старой усадьбы. Завтра там городской праздник. Много людей, несколько патрульных машин. Ты затеряешься в толпе. Письмо в бардачке. Достанешь и уйдёшь.

— Если меня заметят?

— Не заметят. Ты же профессионал. Или я ошиблась?

Александр запнулся. Женский род. Оговорка? Или проверка?

— Ошибся, — сухо ответил он. — Кто ты вообще?

Голос отключился. На почту упало сообщение: адрес, схема здания, список персонала. Он допил виски и уже собирался попросить счёт, когда бармен поставил перед ним ещё один стакан.

— Это от заведения, — сказал тот. — За счёт заведения.

— Я не заказывал.

— Вы наш сотый посетитель за эту неделю, — пояснил бармен с лёгкой улыбкой. — У нас акция. Поздравляю.

Александр взял стакан. Виски было горьким, с едва уловимым сладковатым привкусом.

Ночь перед праздником он провёл без сна. Не от волнения — от привычки. Перед каждым делом Каменский перебирал в голове возможные варианты: что пойдёт не так, где запасной выход, кто может помешать. Полицейская машина — не банк, но и не почтовый ящик. Риск есть всегда. Однако кое-что было на его стороне. В старом шкафу висела полицейская форма — настоящая, с шевронами и нашивками, которую он использовал для таких дел. Если кто-то увидит его у машины, то увидит не вора, а патрульного. Завтра он будет не Александром. Завтра он будет одним из них.

На следующий день Каменский приехал за час до полудня. Парк у старой усадьбы уже гудел. Пахло свежей травой и сладкой ватой. Он обошёл парковку по периметру. Три полицейские машины. Номер 3414 — у внедорожника.

Он сел на скамейку в тени старой липы и стал считать патрульных. Их было четверо. Ждал. Праздник набирал обороты: закружилась карусель, заиграла музыка, пришли родители с детьми. Патрульный у внедорожника допил кофе и отошёл к коллегам. Тот, что сидел в машине, вышел и присоединился к ним. У внедорожника никого не осталось.

Александр встал и медленно пошёл вдоль парковки. Форма сидела идеально. Он сделал вид, что рассматривает афишу. Поравнявшись с внедорожником, скользнул к пассажирской дверце и потянул ручку. Открыто. Сел, потянулся к бардачку. Конверт лежал там — плотный, с гербовой печатью. Он взял его, убрал во внутренний карман. Вдох. Выдох. Четыре секунды. Уже взялся за дверную ручку, когда в стекло постучали.

За окном стоял мальчик. Лет семи, с яблоком в карамели. Он смотрел прямо на Александра и стучал костяшками по стеклу. Александр вышел из машины, закрыл дверцу и присел на корточки.

— Ты что здесь делаешь? — спросил он.

— Я потерялся. Я маму и папу потерял. Помогите мне их найти.

Глаза заплаканные, но не истерика. Яблоко уже почти растаяло.

— Тебя как зовут?

— Паша.

— Паша, стой здесь и никуда не уходи. Я сейчас вернусь.

Он подошёл к водительской дверце, открыл её и оставил на сиденье записку: «Потерялся мальчик Паша, ждёт у этой машины. Сообщите родителям или по громкой связи». Без подписи. Вернулся к мальчику.

— Сейчас объявят. Родители тебя найдут.

Мальчик кивнул. Александр развернулся и пошёл к выходу. Когда он был у ворот, над головой зазвучало: «Внимание! Потерялся мальчик Паша. Родителей мальчика Паши просим подойти к полицейской машине у входа в парк». Каменский не обернулся. Прибавил шаг и скрылся за деревьями.

Он хотел переодеться. В его машине лежала гражданская одежда. Но вместо этого просто пошёл вперёд, в полицейской форме.

Больницу он нашёл не сразу. Она стояла в глубине парка, за рядом старых лип. Три этажа, облупившаяся штукатурка, решётки на окнах. Над воротами — вывеска: «Частная психиатрическая больница № 7». Буквы покосились.

У ворот стоял парень в форменной куртке. Молодой, бестолковый с виду. Он поднял глаза, увидел полицейскую фор-

му и замер.

— Вы... вы к кому? — выдавил он. — У нас всё в порядке. Если это из-за того случая, так его ещё в прошлом году закрыли. И Михалыч тогда всё объяснил...

— Я новый охранник, — перебил Александр. — Александр. Мне назначено.

Парень шумно выдохнул.

— А-а-а. Новенький. А я уж думал... — Он осёкся.

— Раньше в полиции служил, — кивнул Александр на шевроны. — Уволился. Форма осталась — внушает доверие. Или страх. Смотря что тебе ближе. Вопросы?

Парень моргнул и мотнул головой.

— Не-не, без вопросов. Костик. Я тут тоже охранник. Пойдёмте, я провожу.

Они вошли в холл. Пахло хлоркой и старой мебелью. На секунду Александру показалось, что к этому запаху примешивается что-то ещё — сырая земля, прелые листья. Показалось.

На стене висел плакат: «Психическое здоровье — залог счастливой жизни». Буквы на мгновение поплыли. Александр моргнул — всё снова было в порядке.

За стойкой сидела женщина лет сорока.

— Добрый день. Вы устраиваться?

— Да.

— Документы при вас?

Он протянул конверт. Она вскрыла его, пробежала глазами, кивнула.

— Да, этого достаточно. Предыдущий охранник уволился внезапно. Нам некому работать. Если вы готовы — можете заступить прямо сейчас. Первая смена — сегодня, с восьми вечера до восьми утра.

Александр кивнул. Ему это было на руку.

Из коридора вышел мужчина лет пятидесяти. Форменная куртка, лычки на плечах. Он двигался спокойно, но взгляд его скользнул не по лицу — по форме, по рукам. Оцениваю-

ще. Правая рука заканчивалась протезом — стальным, старого образца, с двумя крючками-пальцами. Протез был отполирован до блеска, но на сгибах темнела патина.

— Михаил Сергеевич. Начальник охраны. Можно Михалыч.

— Александр.

Он кивнул — не как человек, который принимает информацию, а как тот, кто уже всё знает и просто ждёт подтверждения.

— Пойдём, покажу хозяйство.

Они пошли по коридору. Шаги Михалыча звучали глухо, но в этом звуке Александру почудилось что-то странное — будто эхо приходило на долю секунды раньше, чем его нога касалась пола. Под ботинками что-то хрустнуло, словно он наступил на осколок стекла или мелкий камень. Он не посмотрел под ноги.

— Работа простая, — говорил Михалыч. — Обход каждые два часа, журнал, ключи. Первый этаж — административный: приёмная, столовая, комната охраны. Второй — палаты для спокойных. Третий — для буйных и тех, кто сам не

знает, буйный он или нет. Туда без меня не суйся. Вопросы?

— Один. Как вы потеряли руку?

Михалыч остановился и посмотрел на него долгим взглядом.

— Это было давно. И не здесь. Если останешься надолго — расскажу. А пока забудь.

Они дошли до комнаты охраны. Михалыч открыл дверь, показал на стул перед пультом с десятью мониторами.

— Твоё рабочее место. Смена начинается в восемь. Форму тебе завтра выдадут. Сегодня работаешь в своей. — Он сделал паузу, глядя на полицейскую форму. — Она тебе ещё пригодится. Сегодня — с Костиком. Присмотри за ним. Он парень неплохой, но иногда забывает, зачем пришёл.

— Что значит — забывает?

— Увидишь.

Михалыч вышел. Александр остался один. Сел за пульт. Мониторы показывали пустые коридоры, запертые двери, лестничные пролёты. Всё было тихо.

— Ты получил письмо и устроился в больницу, — произнесла тень за лампой. — И тебя ничего не насторожило?

— В больнице? Нет. Всё было обычно.

— Тогда откуда ты знаешь, что всё пошло не так?

Александр помолчал, глядя на свет.

— Потому что в первую же смену я увидел то, чего не могло быть.

— Продолжай.

И он продолжил. С этого момента всё, что он говорил, звучало как приговор. И для него, и для того, кто слушал.

Глава 3. Первая смена

Восемь вечера. Я сидел в комнате охраны и смотрел на мониторы. Их было десять — два ряда по пять экранов, показывающих коридоры, лестницы, входы. Картинка была чёрно-белой, зернистой, но достаточно чёткой, чтобы видеть каждое движение. Никакого движения не было.

Костик пришёл без пятнадцати восемь. Он ввалился в комнату, звеня ключами, и с порога начал рассказывать, что сегодня на ужин давали рыбные котлеты и что у него от них изжога. Я слушал вполуха.

— Сань, — сказал он, усевшись за пульт. — А ты вообще откуда?

— Из ниоткуда, — ответил я.

— Понятно. Я тоже.

Он помолчал. Потом повернулся ко мне.

— Я вообще хотел в Питер уехать. Думал, накоплю и уеду. Там, говорят, работа есть. И люди другие.

— Почему не уехал?

— А ты почему не уехал?

Я не ответил. Он и не ждал ответа.

— У меня мать болеет. Я один. Вот и сижу здесь. Ночные смены беру, чтобы днём с ней быть. А так бы давно уехал.

Он снова уставился на мониторы.

— А ты, Сань? У тебя кто-нибудь есть?

Я долго молчал. Потом сказал:

— Никого.

— Совсем?

— Совсем.

Костик кивнул. Не с жалостью, а как будто понял.

— Знаешь, я иногда думаю: зачем я вообще здесь? Ну, кроме денег. Сижу, смотрю в эти камеры. Иногда что-то ви-

жу. Странное. Говорю Михалычу, а он говорит: «Показалось». Я уже привык. Показалось так показалось.

— И что ты видишь?

Он замялся. Потом махнул рукой.

— Да разное. То тень пройдёт, то дверь сама откроется. Один раз видел, как пациент по коридору шёл, а ног не было. Но я тогда устал. Трое суток не спал. Может, и правда показалось.

— Может.

Мы снова замолчали. Я смотрел на его профиль. Молодой, худой, с вечной тревогой в глазах.

— Костик, — сказал я. — А ты не думал уволиться?

— Думал. Каждый день думаю. Но куда я пойду? С матерью на руках. Тут хоть платят. И кормят. И Михалыч нормальный мужик. Правда, странный немного.

— Странный?

— Ну, он как будто всё знает. Про всех. Про меня. Про

тебя. Я иногда думаю: он тут дольше, чем стены стоят. И ещё он всё записывает. В блокнот. Я один раз заглянул — там имена. Много. Даты. Какие-то пометки. Я спросил, что это. Он сказал: «Память». И убрал блокнот. Больше я не спрашивал.

Он усмехнулся. Я — нет.

— Сань, — сказал он тише. — А ты веришь в призраков?

— Нет.

— Я тоже не верил. А теперь не знаю.

Он замолчал. Потом вдруг оживился:

— Слушай, а хочешь, я тебе одну мысль скажу? Я её сам придумал. Никому не говорил.

— Давай.

Костик откинулся на стуле и посмотрел в потолок, как будто искал там что-то.

— Я иногда представляю жизнь как комнату. Большую. Тёмную. И с потолка свисают ленты. Много. Каждая лента

— это событие. Или человек. Или выбор. И ты идёшь по этой комнате к выходу. И задеваешь ленты. Одни сами падают, другие ты срываешь, третьи обвиваются вокруг тебя. И ты идёшь дальше.

— И что за выход?

— Не знаю. Там дверь с надписью «Выход». А что за ней — никто не знает. Может, смерть. Может, новая комната. Может, новая жизнь. Но пока ты идёшь, ты сам выбираешь, как идти. Можно прямо. Можно кругами. Можно вообще стоять. И тогда ленты сами тебя найдут.

— А если кругами?

— Тогда ты задеваешь всё. Проходишь все круги. Как в аду. Пока не найдёшь выход. Или пока ленты тебя не запутают.

Он замолчал. Я смотрел на него и думал, что он не такой дурак, как кажется.

— А если на человеке порча? — спросил я в шутку. — Или проклятие?

Костик повернулся ко мне. Глаза серьёзные.

— Тогда у него ещё одна лента. Своя. Которая всегда с ним. И он ходит с ней по комнате. И она цепляется за всё. За людей, за стены, за двери. И он не может её снять. Пока не выйдет. Или пока кто-то другой не поможет.

— А если никто не поможет?

— Тогда он останется в комнате навсегда. С этой лентой.

Он снова уставился на мониторы.

— Сань, — сказал он через минуту. — А я ведь сюда не просто так пришёл.

— А зачем?

— Я слышал, тут где-то камень спрятан. Драгоценный. В развалинах поместья. Ну, я и подумал: устроюсь охранником, осмотрюсь, найду. Продам — и уеду с матерью в Питер.

— И как? Нашёл?

— Нет. — Он усмехнулся. — Когда я пришёл, тут уже никаких развалин не было. Только больница. Я думал, может, обманули. Или я не там ищу. Но теперь... — он помолчал.

— Теперь я не знаю, что искать.

Он замолчал и снова уставился на мониторы. Я тоже. В комнате стало тихо. Только гудели лампы.

— Ладно, — сказал он через минуту. — Пойду чай поставлю. Тебе надо?

— Давай.

Он вышел. Я остался один.

Через минуту дверь снова открылась. Михалыч заглянул.

— Каменский, помоги. Сейф новый привезли. Надо занести в кабинет главврача.

Я пошёл за ним. У входа стоял ящик. Большой, тяжёлый. Мы вдвоём еле затащили его на второй этаж. В кабинете главврача поставили у стены. Старый сейф уже вынесли.

Главврач стоял рядом. Он открыл дверцу нового сейфа, посмотрел на бумажку, которая лежала внутри. Потом набрал код. Четыре цифры. Я стоял сбоку и видел. 0912.

Он закрыл дверцу. Посмотрел на меня.

— Спасибо, — сказал он. — Можете идти.

Я вышел. Код запомнил. На всякий случай. Мало ли.

Первые два часа прошли спокойно. Я обошёл первый этаж — приёмная, столовая, комната охраны. Всё было заперто. Пациенты сидели по палатам. Медсестра на посту пила чай и листала журнал. Всё как в обычной больнице.

Когда я проходил мимо лестницы, ведущей вниз, вспомнились слова Михалыча: «Внизу старый склеп бывших хозяев. Но там делать нечего — камни и пыль. Если завалиться не хочешь, не суйся». Он говорил об этом без всякого интереса, как о кладовке с ненужным хламом.

Я тогда кивнул и забыл. А теперь, стоя у лестницы, вдруг почувствовал лёгкий запах сырой земли. Показалось.

Я поднялся на второй этаж.

Там я заметил его.

Мужчина сидел в палате на койке, скрестив ноги, и смотрел на свою правую руку. Дверь была приоткрыта, и я видел его через щель. Мужчина лет сорока, худой, с залысинами.

Он держал ладонь перед лицом и медленно поворачивал её, рассматривая с разных сторон. Как будто видел её впервые. Как будто это была не его рука, а чей-то чужой предмет, который он пытался понять.

Я остановился и заглянул.

Он рассматривал запястье. Проводил пальцами левой руки по коже, прощупывал кости, сухожилия, вены. Делал это спокойно, методично, как хирург перед операцией. Лицо было сосредоточенным, но не безумным. Скорее, задумчивым.

— Что ты делаешь? — спросил я.

Он не поднял головы.

— Думаю, — ответил он.

— О чём?

— Она сказала, что если я отрублю её, я буду в безопасности. Но я ещё не решил. А ты бы отрубил?

Я не нашёлся с ответом. Вопрос был задан так, будто мы обсуждали покупку машины или выбор маршрута. Спокойно. По-деловому. Он действительно ждал моего мнения.

На секунду я представил. Что должно произойти, чтобы я сам всерьёз задумался об этом? Что нужно увидеть, чтобы собственная рука показалась платой, а не частью тела?

Я не знал ответа.

Мужчина не моргал. Совсем. Я стоял и считал про себя: секунда, две, три. Веки оставались неподвижными. Как у куклы. Как у мёртвой рыбы.

В палате пахло не лекарствами. Пахло чем-то сладким и древним. Так пахнет старая смола, которую случайно разбередили в янтарном браслете.

Я не ответил. Я просто закрыл дверь и пошёл дальше.

В следующей палате было пусто. Я вошел внутрь, чтобы проверить окно. На стене, у изголовья кровати, кто-то выцарапал стих:

Она приходит, когда гаснет свет.
Она не спросит, кто ты и зачем.
Она возьмёт лишь то, что ты отдашь.
А не отдашь — возьмёт и без тебя.

Я замер. Буквы были неровными, словно их выводили чем-то острым. Под стихом — торопливая приписка: «Я не отдал. Теперь я здесь». Я провёл по ней пальцем. Краска или ржавчина? Не разобрать.

Я вышел в коридор и закрыл за собой дверь. Внутри остался осадок, как будто я прочитал не бред, а чьё-то предупреждение. Но я отогнал эту мысль и пошёл дальше. В конце концов, это психушка. Здесь каждый, кто умеет писать, пишет всякую дрянь на стенах.

В конце коридора, у поворота к лестнице, висело большое зеркало в металлической раме. Такие вешают в больницах, чтобы пациенты могли видеть себя. Я шёл прямо на него.

И не увидел своего отражения.

Только пустой коридор за спиной. Только лампы под потолком. Только стена.

Я замер. Моргнул. Наваждение исчезло — я снова был в зеркале. Усталое лицо, полицейская форма, рация на плече. Всё как обычно. Я потёр глаза и пошёл дальше, сказав себе, что это просто игра света. Просто грязное стекло. Просто нервы.

Но где-то глубоко, под рёбрами, уже поселился холод.

Дальше по коридору я заметил это.

Тишина. Не просто тишина пустого здания, а какая-то ватная, плотная, как перед грозой. Я остановился и прислушался. Из-за ближайшей двери донёсся звук. Щелчок. Замок. Через секунду — ещё один, дальше по коридору. Потом ещё. Как будто кто-то шёл впереди и запирал двери изнутри. Один за другим, методично, без спешки.

Я подошёл к ближайшей двери. Она была заперта. Не снаружи, как должно быть в обычной психушке. Изнутри. Я проверил засов — его можно было закрыть только с той стороны. Санитары так не делают. Так делают сами пациенты.

Я стоял и смотрел на запертую дверь. За ней было тихо. Ни шёпота, ни шагов, ни звука дыхания.

Но я чувствовал взгляд.

Не один взгляд — десятки. Они давили на затылок, сверлили спину, скребли по плечам. Я резко обернулся. Коридор был пуст. Только лампы гудели под потолком. Но когда я снова повернулся к двери, я увидел, что замочная скважина темнеет. Не просто темнеет — она смотрит. Как чей-то

зрачок, который только что моргнул.

Я отшатнулся. Замочная скважина снова стала просто скважиной.

Я заставил себя идти дальше. В конце концов, это психушка. Здесь у каждого свои странности. Может, у них тут такое правило — пациенты сами запираются на ночь. Может, это часть терапии. Может, им так спокойнее.

Может, они запираются не от санитаров.

Я отогнал эту мысль и пошёл к лестнице, чтобы вернуться в комнату охраны. И тут рация ожила.

— Сань, — голос Костика был настороженным. — Тут к тебе девушка приходила.

Глава 4. Гостья

Я нахмурился.

— Какая девушка? — переспросил я. — Ночью?

— Я не знаю. Она не представилась. Сказала, что знает тебя. Спрашивала, где ты. Я ответил, что ты на обходе. Она ушла.

— Как она вошла?

— Я не видел. Я сидел за пультом, смотрел на мониторы. Потом слышу — стучат. Открываю, она стоит. Молодая, чёрные волосы. Спросила про тебя. Я сказал, что ты на обходе. Она развернулась и ушла. Я закрыл дверь. А потом подумал: как она вообще сюда попала? Ночью. В больницу. На объект. Сань, я не понимаю.

Я тоже не понимал.

— Я иду, — сказал я.

— Сань, — Костик понизил голос. — Мне это не нравит-

ся. Ты же говорил, что у тебя никого нет. А тут девушка. Ночью. Сама пришла. И на камерах её не было. Это... это неправильно.

— Мне тоже не нравится.

Я убрал рацию и пошёл в сторону чёрной лестницы. Дверь была приоткрыта. За ней — темнота. Я вошёл. На ступенях пахло плесенью и чем-то сладким. Я достал фонарик. Луч высветил старые стены, покрытые трещинами, и пыль, висевшую в воздухе.

Я спустился до площадки между этажами. Никого. Только темнота и холод. Я постоял, прислушался. Тишина.

Я поднялся обратно.

— Костик, — сказал я в рацию. — Её здесь нет.

— Подожди, — ответил он. И через секунду: — Она на камерах. Первый этаж. Идёт по коридору.

— Куда идёт?

— К тебе. Сань, она прямо перед тобой.

Я остановился. Посмотрел в пустоту. Никого.

— Я её не вижу.

— Она стоит вплотную к тебе, — выдохнул Костик. — Её лицо рядом с твоим. Она смотрит тебе в глаза. А ты её не видишь?

Я поднял руку и медленно провёл перед собой. Пальцы не коснулись ничего. Только холод стал гуще.

— Она улыбается, — прошептал Костик. — Сань, она улыбается. Но глаза... они пустые. Мёртвые.

Я сделал шаг назад. Потом ещё. Спиной упёрся в стену.

— Она уходит, — сказал Костик. — Медленно. В сторону лестницы. Вниз. В подвал.

Я отлепился от стены и пошёл за ней. Вернее, в ту сторону, куда, по словам Костика, она ушла. Но у входа на лестницу вниз я остановился. Дверь была приоткрыта. Из щели тянуло холодом и сырой землёй.

— Она ушла туда, — прошептал Костик. — В склеп.

Я не стал спускаться сразу. Я вернулся в комнату охраны. Костик сидел в кресле, вжавшись в спинку. Лицо у него было белым. Руки он держал на коленях, но пальцы дрожали.

— Сань, — сказал он. Голос сорвался. — Сань, что это было?

— Не знаю.

— Это не человек, — сказал Костик. — Я видел, как она шла. У неё не было шагов. Она двигалась, но не касалась пола. Я не видел, как она вошла. Ни одна камера её не показала. А потом она просто появилась в коридоре. И пошла. К тебе. И ты её не видел.

Он говорил быстро, глотая слова. Дыхание было частым.

— Я не хочу здесь больше работать, — сказал он вдруг. Тихо. Почти шёпотом. — Я хочу уйти. Прямо сейчас. Но я не могу. У меня мать. Мне нужны деньги. Я не могу уйти.

Он замолчал. Потом поднял на меня глаза. В них был не просто страх. В них было понимание, что он застрял.

— Сань, — сказал он. — А если это снова придёт?

Я не ответил. Потому что не знал, что страшнее: если придёт или если не придёт.

Костик отвернулся к мониторам. Его руки всё ещё дрожали. Я встал.

— Ты куда? — спросил он.

— Проверю подвал, — сказал я.

— Сань, не надо. — Он повернулся ко мне. — Михалыч говорил, там делать нечего. Камни и пыль.

— Я быстро.

Я вышел в коридор. Мне нужно было увидеть это самому. Не через мониторы, не через слова Костика. Своими глазами.

Я дошёл до лестницы. Дверь была приоткрыта. Я включил фонарик и стал спускаться.

Ступени были каменными, стёртыми. Чем ниже я спускался, тем холоднее становилось. На плане этого места не было. Я помнил схему больницы наизусть. Но этот подвал на плане не значился.

Я вышел в сводчатый зал. Вдоль стен, в каменных нишах, стояли старые гробы. Тяжёлые, покрытые пылью. А в центре, отдельно, стоял ещё один. Перед ним на полу лежала оплывшая свеча. Она не горела.

Я подошёл ближе.

И услышал.

Сначала — тихий шорох. Потом — скрежет. Не снаружи. Изнутри.

Кто-то скрёб ногтями по камню. Медленно. Терпеливо. Словно пытался выбраться изнутри.

Глава 5. Волосы

Крышка не сдвинулась. Гроб стоял неподвижно. Но скрежет продолжался. Из-под крышки. Из самой глубины камня.

Я стоял и слушал. Не мог пошевелиться. И в этом звуке было что-то такое, от чего кровь стыла в жилах. Не ярость. Не боль. Терпение. Бесконечное, древнее терпение.

Скрежет стал громче.

Не помню, как поднялся по лестнице. Помню только, как вылетел в коридор и прижался спиной к стене. Сердце колотилось где-то в горле. Пальцы дрожали.

Я не стал проверять, что было внизу. Я просто стоял и смотрел на приоткрытую дверь, ведущую в подвал. И понимал, что она меня запомнила.

Прошло два дня. Или три. Я не считал. Смены шли одна за другой, одинаковые, как серые стены больницы. Я почти перестал выходить наружу. Днём спал, ночью работал. Солнца не видел.

Костик после той ночи стал тише. Он больше не болтал про Питер и не рассказывал про ленты. Просто сидел за пультом и смотрел на мониторы. Иногда я ловил его взгляд — он смотрел на меня, а потом быстро отводил глаза.

— Ты что? — спросил я один раз.

— Ничего, — ответил он. — Просто... ты нормально выглядишь. Для человека, который не спит.

Я не стал спрашивать, что он имеет в виду.

В ту ночь я снова пошёл в подвал.

Не знаю, зачем. Может, потому что не мог забыть этот звук. Может, потому что хотел убедиться, что мне показалось. Может, потому что там было что-то, что тянуло меня вниз.

Дверь на лестницу была приоткрыта. Как всегда. Я включил фонарик и стал спускаться. Ступени были те же. Каменные, стёртые. Холод тот же. Запах сырой земли и сладкой смолы — тот же.

Я вышел в сводчатый зал. Гробы вдоль стен. Свеча, которая не горит. И гроб в центре.

Я подошёл ближе.

Из-под крышки торчали волосы. Чёрные, длинные. Они свисали на пол, как будто их только что расчесали. Я замер.

Волосы начали двигаться. Медленно, беззвучно, они втягивались под крышку. Как змея, которую кто-то затаскивает за шкирку. Через несколько секунд не осталось ничего. Только камень, пыль и тишина.

Я не мог пошевелиться. Руки дрожали. Я достал телефон. Не знаю, зачем. Может, чтобы доказать себе, что это было. Может, чтобы показать кому-то. Я включил камеру и навёл на гроб.

Скрежет начался снова. Тихий, терпеливый. Я держал телефон и снимал. Секунду. Две. Пять. Экран показывал гроб, каменные стены, свечу. Всё как есть.

Потом скрежет стих. Я убрал телефон и пошёл наверх.

В комнате охраны Костик сидел за пультом. Он поднял на меня глаза.

— Ты опять туда ходил? — спросил он.

— Да.

— И что?

Я молча положил перед ним телефон и включил запись. Костик наклонился, всматриваясь. Его лицо медленно вытянулось.

На экране были руины. Груды камней, заросшие плющом стены, обломки. Ветер гонял по земле мусор. Никакого склепа. Никакого гроба. Только развалины.

— Сань, — прошептал Костик. — Что это?

— Подвал, — сказал я.

— Это не подвал. Это... руины. — Он поднял на меня глаза. — Ты снимал гроб? Я видел, как ты заходил в склеп. А на записи — развалины.

Он замолчал. Потом отодвинул телефон от себя, как будто тот был горячим.

— Сань, — сказал он тихо. — Я не понимаю.

— Я тоже.

В дверь постучали. Мы оба вздрогнули. Вошёл Михалыч. Он посмотрел на нас, потом на телефон.

— Чего затихли? — спросил он.

Костик молча показал ему экран. Михалыч взял телефон, посмотрел на запись. Две секунды. Не больше. Потом вернул.

— Камера барахлит, — сказал он. — Бывает.

Он развернулся и вышел. Дверь закрылась. Мы с Костиком остались вдвоём. Он смотрел на меня. В его глазах был страх. Настоящий, животный.

— Сань, — сказал он. — Я не хочу здесь больше работать.

— Я знаю.

— Но я не могу уйти.

— Я знаю.

Он замолчал. Потом отвернулся к мониторам. Его руки дрожали. Я сел рядом. Мы оба молчали.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.